

ского отдела Московского патриархата РПЦ. Ростов-на-Дону, 1998.

15. См. подробнее: *Дворкин А.Л.* Сектоведение. Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования // URL: <http://www.pravbeseda.ru/>.

16. Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. от 02.07.2013) «О противодействии экстремистской деятельности».

УДК 340.11

Радачинский Ю.Н.

МЕСТО И ЗНАЧЕНИЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ ОБЩЕСТВА

Настоящая статья посвящена поиску новых подходов к определению места юридической ответственности в правовой системе. Исходной предпосылкой исследования является представление о юридической ответственности как сложном интегративном качестве человека.

The present article is devoted to the search of new approaches to the defining the place of juridical responsibility in the legal system. The starting message of the research is the idea of juridical responsibility as of a complex integrative quality of a person.

Ключевые слова: юридическая ответственность, проблемы теории государства и права, позитивная ответственность, ретроспективная ответственность, правовая система, злоупотребление правом.

Key words: juridical responsibility, problems of theory of state and law, positive responsibility, retrospective responsibility, legal system, abuse of law.

Сегодня в отечественной юриспруденции не много научных работ посвящается исследованию места юридической ответственности в правовой системе. Гораздо больше внимания уделяется ее месту в системе права. В таких работах речь ведется о юридических установлениях, содержащих виды и меры государственного принуждения, применяемые к лицу за совершенное правонарушение с позиций их автономности или межотраслевых связей. При этом юридическая ответственность рассматривается с точки зрения ее официального понимания, закрепленного в законодательстве. Ее влияние на процесс формирования права очень редко становятся предметом научного анализа. Связи юридической ответственности с правосознанием, правовой культурой, регулированием общественных отношений описываются с точки зрения характеристики функциональных возможностей государственного принуждения.

В настоящей статье предпринята попытка переосмысления места и значения юридической ответственности в правовой системе общества исходя из ее понимания как особого юридического качества субъекта. Во избежание греха «самоци-

тирование», уничижающего наукометрические показатели исследователей, отмечу в тексте, что обоснование такого понимания юридической ответственности изложено в авторской статье «Теоретические подходы к исследованию юридической ответственности», опубликованной в журнале «Северо-Кавказский юридический вестник», 2014, № 1 (ознакомиться можно на официальном сайте журнала – <http://vestnik.uriu.ranepa.ru/2014/05/05/teoreticheskie-podxody-k-issledovaniyu-yuridicheskoy-otvetstvennosti/>).

Можно с уверенностью сказать, что сферой существования юридической ответственности отечественные юристы признают деятельность по реализации юридической нормативной системы. В зависимости от сущностных представлений об ответственности авторы вовлекают ее в процесс либо применения юридических норм, либо их исполнения, соблюдения. Так, сторонники проспективной (позитивной) концепции обосновывают проявление юридической ответственности при исполнении субъектом обязанностей наиболее оптимальным способом, обеспечивающим достижение социально-полезных результатов. Юридическая

ответственность в этих случаях определяется как часть правомерного поведения. В интерпретации различных авторов она раскрывается через субъективную либо объективную его стороны. А.П. Чирков, представляя юридическую ответственность через субъективную, объективную стороны, субъект и объект, вообще сводит ее к правомерному поведению по исполнению юридических обязанностей [1, с. 6].

Представители ретроспективной концепции ведут речь о юридической ответственности в рамках исследования деятельности по применению юридических норм. Независимо от ее понимания как принудительно возлагаемой на лицо дополнительной обязанности или совокупности неблагоприятных последствий за совершенное им правонарушение, применения санкции юридической нормы, осуществления охранительного правоотношения, наказания, ответственность существует в сфере принудительной реализации юридических установлений государства.

И даже когда ученые пытаются интегрировать позитивную и негативную концепции юридической ответственности, она все равно выражается в надлежащем исполнении юридических предписаний. Разница заключается лишь в добровольности или принудительности их осуществления.

Как правило, в научной литературе значение юридической ответственности сводится к обеспечению формирования и поддержки порядка в обществе посредством обеспечения надлежащей реализации субъектами юридических обязанностей и запретов.

Понимание юридической ответственности как уникального юридического качества субъекта принципиально изменяет оценку ее места и функций в правовой системе. Она выходит за пределы сферы реализации негативных санкций юридических норм и может быть признана неотъемлемой частью и правообразовательного, и правореализационного процессов.

В начале отмечу, что формирование права в авторском понимании не сводится исключительно к деятельности по созданию юридических установлений. Это естественный и непрерывный процесс определения участниками общественных отношений содержания свободы, равенства, справедливости и ответственности, которые впоследствии становятся критериями оценки поведения субъектов. Подобное представление о формировании права уже существует в научной литературе. В моногра-

фии «Проблемы теории и истории права и государства» Д.Ю. Шапсугов отмечает, что для возникновения права необходимо определение потребностей и интересов социальных субъектов, которые в состоянии породить право. В свою очередь история свидетельствует о том, что содержанием потребности и интереса в праве выступают свобода, равенство, справедливость и ответственность [2, с. 474]. В отличие от права процесс формирования нормативных юридических систем может иметь различные социальные основания и цели. Интересна с этой точки зрения позиция В. Зорькина. Он обращает внимание на то, что принципиальные культурные различия народов вызвали потребность формирующихся империй в унифицирующих правовых кодификациях: «Эта кодификация была призвана исключать или, по крайней мере, смягчать неизбежные при столкновениях разных культур правовые коллизии. За счет чего? За счет того, что эта кодификация фактически «накрывала» разнородные (и всегда хотя бы отчасти взаимно-конфликтные) локально-культурные, этноплеменные и этнорелигиозные представления о справедливости единым колпаком системы правопонимания и правоприменения, допустимой для всех интегрируемых племен с их культурами» [3]. Известно, что эффективность подобного единого правопонимания и правоприменения исторически была не одинакова. Хотя для целей данного исследования большее значение имеет не эффективность таких кодификаций, а осознание множественности возможных целей создания и развития нормативных юридических систем. Они могут создаваться как для оформления потребностей и интересов общества в равенстве, свободе, справедливости и ответственности, так и для решения имперских задач по унификации социальных регуляторов, пренебрегая цивилизационными различиями народов.

Право же всегда формируется в соответствии с конкретно-историческими условиями развития общества, правовыми представлениями людей. К первичным правовым представлениям В. Зорькин в статье «Экономика и право: новый контекст» относит представления о благе, справедливости, дозволениях и обязательствах [3]. В силу динамичного состояния общественных отношений система этих представлений находится в постоянном развитии. Следовательно, и сами права, свободы социальных субъектов не являются статичными, раз и навсегда определенными и подлежат постоянному утверждению гражданами и организациями. Понимание

того, что потребности, интересы людей, первичные правовые представления непрерывны в своем развитии и содержание права обладает лишь относительной устойчивостью, позволяет предположить, что фиксирование правовых стандартов в каких-либо источниках хоть и является необходимым, но все же ограничивает право как моментом его фиксации, так и способами выражения. Конечно, есть общепризнанные потребности и ценности, которые имеют устоявшиеся способы выражения. Основанные на них нормативы признаются универсальными и формируют фундаментальную основу права и нормативной юридической системы. Но большинство правил поведения, учреждаемых обществом, все же имеют конкретно временной характер и наполняются специфическим содержанием в зависимости от задач, стоящих перед обществом. Причем наполнять юридические нормы исторически актуальным смыслом могут не только правотворческие органы.

Преодоление юридико-технических ограничений права, необходимость обеспечения реализации права имеющимися, зачастую несовершенно, юридическими средствами обуславливают попытки субъектов правоприменительной деятельности наполнить юридические установления необходимыми обществу представлениями о равенстве, свободе, справедливости и ответственности. Особенно ярко это проявляется в интерпретационной деятельности Конституционного Суда РФ.

Проиллюстрировать этот тезис можно следующим примером. Пункт 3.20 Правил дорожного движения, утвержденных Постановлением Правительства РФ от 23.10.1993 N 1090, определяет знак, запрещающий в зоне его действия обгон транспортных средств. На сегодняшний день многие участники дорожного движения попадают в ситуацию неопределенности правовой оценки характера их поведения при начале обгона в соответствии с правилами дорожного движения и его завершении в зоне действия этого знака. Причем причины невозможности завершения маневра могут носить объективный характер (поведение иных участников дорожного движения, недостаточная видимость знака и др.). В итоге начавшееся (в соответствии с действующими юридическими установлениями) правомерное поведение к моменту его завершения приобретает признаки правонарушения, предусмотренного ч. 4 статьи 12.15 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Такие жизненные ситуации стали предметом

оценки Конституционного Суда РФ, выраженной в Определении Конституционного Суда РФ от 7 декабря 2010 года № 1570-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ядрихинского Дмитрия Борисовича на нарушение его конституционных прав частью 4 статьи 12.15 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях».

Содержание мотивировочной части определения Конституционного Суда РФ позволяет сделать вывод о том, что его позиция формировалась на основе уяснения соотношения интересов водителей, совершающих обгон, и общественной опасности возможных последствий их действий: «Противоправный выезд на сторону дороги, предназначенную для встречного движения, представляет повышенную опасность для жизни, здоровья и имущества участников дорожного движения, так как создает реальную возможность лобового столкновения транспортных средств, сопряженного с риском наступления тяжких последствий, в связи с чем ответственности за него, по смыслу части 4 статьи 12.15 КоАП Российской Федерации во взаимосвязи с его статьями 2.1 и 2.2, подлежат водители, совершившие соответствующее деяние как умышленно, так и по неосторожности» [4]. Именно их несоразмерность определила позицию судей Конституционного Суда РФ, в соответствии с которой для определения состава административного правонарушения, предусмотренного частью 4 статьи 12.15 КоАП Российской Федерации, не должен иметь значение момент выезда транспортного средства на полосу встречного движения. Получается, что ответ на вопрос о наличии у водителя права на совершение обгона в условиях отсутствия запрещающего знака или дорожной разметки может быть отрицательным. При этом соответствующих юридических норм в действующем законодательстве нет. Установление права водителя на обгон связано с конкретными условиями его движения и находится в сфере оценки водителем дорожной ситуации, предвидения возможных последствий своего деяния и добровольного отказа от совершения обгона во избежание возможных рисков. Соответствующая оценка дорожной ситуации и принятие решения о выборе правила поведения водителем зависят от его правовых знаний, навыков, умений, свойств и качеств, которые и формируют такое его интегративное качество, как юридическая ответственность. Это означает, что без анализа ответственности водителя не представляется возможным определить на-

личие или отсутствие у него права на обгон. Откуда же в нашей правовой системе возникло подобное представление о праве и ответственности участников дорожного движения? Его природа определена характером взаимодействия участников дорожного движения, рисками наступления общественно-опасных последствий неосторожного поведения водителей, потребностью общества в обеспечении безопасности дорожного движения, способностью водителей соизмерять собственную необходимость с интересами окружающих лиц. Нормативного юридического закрепления она не имеет, а формальное определение и выражение получила в интерпретационной деятельности Конституционного Суда РФ.

Практика Конституционного Суда РФ богата такими примерами. Основаниями его деятельности в аналогичных жизненных ситуациях выступает право, как постоянно формируемая система представлений о равенстве, свободе, справедливости и ответственности социальных субъектов. Позиция Конституционного Суда РФ, выраженная в его актах, в значительной мере определяет направление развития действующего законодательства, правоприменительной деятельности, учитывая правовые возможности граждан. В связи с этим основополагающее значение для любого участника общественных отношений имеет понимание процесса формирования права и места юридической ответственности в этом процессе.

Приведенный выше пример демонстрирует, что конкретизация содержания свободы, равенства, справедливости и ответственности, определение оптимальности их соотношения и уяснение степени их естественного существования в обществе могут быть положены в обоснование наличия или отсутствия того или иного права. Причем следует различать общее право, как некое абстрактное допущение в обществе наиболее типичных и универсальных стандартов поведения субъекта, и субъективное право*.

В общем праве отражаются не персонифицированные представления о равенстве, свободе, справедливости и ответственности, которые не столько устанавливают безусловные нормативы поведения, сколько предоставляют средства моделирования

правоотношений индивидуально определенных субъектов. Они позволяют создать субъективное право, а не жестко фиксируют его. Формирование права конкретного субъекта (субъективного права) определяется установлением возможности или невозможности использования им общего права в соответствии с критериями свободы, равенства, справедливости и ответственности, наполняемыми конкретным содержанием для индивидуально-определенных субъектов реального правоотношения.

Поэтому, чтобы уяснить наличие или отсутствие субъективного права, необходимо осуществить анализ указанных выше понятий, в том числе и ответственности, соизмеряя их с общими требованиями, выраженными в нормативной юридической системе. Причем ответственность в системе этих правовых элементов занимает собственное место. Обеспечивая согласование потребностей и интересов субъекта с потребностями и интересами окружающих его индивидов, позволяя выбрать субъекту наиболее оптимальные способы самореализации, а в необходимых случаях и воздержаться от реализации своих общественно вредных потребностей и интересов, юридическая ответственность исключает в обществе произвол, выполняет функцию гармонизации свобод участников общественных отношений, выступает критерием правовой оценки поведения индивидов.

Описанная выше модель образования права допускает весьма условное разграничение процессов формирования и реализации права. Наши представления о равенстве, свободе, справедливости и ответственности выводятся из поведения социальных субъектов, которое выступает и формой их осуществления. Формирование права и его реализация – это два неразрывных и взаимообусловленных процесса, неотъемлемой частью которых является юридическая ответственность. Существующие правовые нормы уже содержат требования к участникам общественных отношений согласовывать свое поведение с интересами окружающих лиц. Их воплощение в реальных жизненных ситуациях является одновременно актами и реализации, и утверждения права. Наличие общей правовой нормы, предусматривающей некую меру ответственности, само по себе еще не устанавливает право конкретного лица. Оно может возникнуть посредством установления возможности применения общей нормы к субъектам конкретного правоотношения в определенных условиях. С этой точки зрения юридическая кон-

* В отличие от традиционного понимания, в данной статье субъективное право представляется как мера возможного поведения индивидуально определенного субъекта в конкретной жизненной ситуации, обусловленная требованиями равенства, свободы, справедливости и ответственности, в том числе и закрепленными в нормативных юридических установлениях

струкция злоупотребления правом, предусмотренная ст. 10 ГК РФ, требует переосмысления.

Сегодня органы судебной власти квалифицируют поведение социальных субъектов, направленное на причинение вреда другим лицам при реализации разрешающих юридических установлений как злоупотребление правом, исходя из признания за лицом самого права, но установления факта его ненадлежащего осуществления.

В качестве примера можно привести жизненную ситуацию, описанную в п. 10 приложения к Информационному письму Президиума Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 25 ноября 2008 г. № 127 «Обзор практики применения арбитражными судами статьи 10 Гражданского Кодекса Российской Федерации». Согласно п. 1 ст. 1013 ГК РФ ценные бумаги могут быть переданы учредителем в доверительное управление. Положения п. 2 ст. 1018 ГК РФ запрещают обращение взыскания на такие ценные бумаги в рамках исполнительного производства. В описываемом правоотношении общество с ограниченной ответственностью через два дня после возбуждения сводного исполнительного производства передало ценные бумаги в доверительное управление с целью сокрытия имущества от обращения на него взыскания. Суд первой инстанции оценил действия юридического лица как злоупотребление правом. Однако возникает вопрос о наличии у общества с ограниченной ответственностью соответствующего права. Как мы видим, регулирование данной ситуации не ограничивается положениями п. 1 ст. 1013 ГК РФ, закрепляющими возможность передачи ценных бумаг в доверительное управление. Суды рассматривают это нормативное дозволение в неразрывной связи с целями совершения сделки, недопустимостью причинения вреда третьим лицам. Положения п. 1 ст. 10 ГК РФ исключают возможность совершения оцениваемой сделки. Следовательно, у общества с ограниченной ответственностью отсутствовало право на передачу имущества в доверительное управление. Соответственно и использование понятия «злоупотребление правом» является необоснованным. В приведенном примере определение наличия или отсутствия права на передачу ценных бумаг в доверительное управление ставится в зависимость не от наличия абстрактного юридического установления, а от оценки субъектом последствий своего поведения для иных участников правоотношений, т. е. юридической ответственности. Поскольку мы признаем ответственность неотъемлемой частью пра-

ва, то поведение, исключаящее ее, должно оцениваться как неправовое. Собственно говоря, именно это и сделал суд кассационной инстанции, признав сделку ничтожной и изменив правовое основание для отказа в удовлетворении исковых требований.

Вполне справедливыми будут аргументы оппонентов подобного представления о юридической ответственности относительно того, что мы не имеем четких критериев юридически ответственного поведения, механизмов его оценки, методов юридического реагирования на участников общественных отношений, не желающих согласовывать свои интересы с интересами общества и использующих недостатки юридической техники для причинения вреда другим лицам. Но это не является основанием для деформирования сущности самого явления. Наоборот, принципиальное изменение представлений о подобной юридической конструкции должно определять вектор развития юридико-технической реальности. В конце концов, в приведенном примере суды ведь вышли за пределы формальных юридических установлений и дали оценку реальным целям совершения сделки, мотивам поведения истца. Намерение сокрыть имущество истцом не признавалось ни документально, ни свидетельскими показаниями оно не было установлено. Суды руководствовались представлениями о разумности, интуицией и собственным пониманием природы правоотношения. Значит, использование предлагаемого понимания юридической ответственности в правоприменительной деятельности возможно.

Взгляд на юридическую ответственность с позиций качеств участников общественных отношений способен изменить наши представления не только о правообразовательном или правоприменительном процессах, но и о нравственных основах права, содержании правосознания и правовой культуры, системе юридической деятельности и других правовых явлениях. Полагаю, он обладает научными перспективами и его дальнейшее исследование может быть полезно как для теории права, так и для юридического регулирования общественных отношений.

Литература

1. *Чирков А.П.* Ответственность в системе права: Учебное пособие. Калининград, 1996.
2. *Шапсугов Д.Ю.* Проблемы теории и истории права и государства. М., 2003.
3. *Зорькин В.* Экономика и право: новый контекст / <http://www.rg.ru/2014/05/21/zorkin-site.html>.

4. Определение Конституционного Суда РФ от 7 декабря 2010 года № 1570-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ядрихинского Дми-

трия Борисовича на нарушение его конституционных прав частью 4 статьи 12.15 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях».

УДК 340.15

Краковский К.П.

ПРОВЕДЕНИЕ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ В РОССИИ

ЧАСТЬ I

(посвящается 150-летию судебной реформы 1864 г.)

Статья посвящена вопросам обсуждения путей реализации судебной реформы 1864 г., а также особенностям этого процесса в различных регионах Российской империи.

This article is devoted to the problems of discussion of the ways of realization of the court reform of 1864 and also to the peculiarities of this process in different regions of Russian empire.

Ключевые слова: судебная реформа, суд, суд присяжных, мировая юстиция, Судебные уставы 1864 г.

Key words: court reform, court, jury, justice of the peace, Court Charters of 1864.

Проведение судебной реформы в силу разных причин, о которых мы скажем ниже, не было одномоментным актом, а затянулось более чем на четыре десятилетия. В связи с этим правовая база процесса введения в действие Судебных уставов оказалась весьма обширной. По нашим подсчетам, она включала десятки актов семи категорий: законы общего характера об основаниях введения нового суда [1], закон об «облегчительных правилах» для «старых» (дореформенных) судебных инстанций на переходный период [2]; акты о применении этих облегчительных правил к отдельным территориям [3]; акты о введении Уставов 1864 г. на отдельных территориях (как в полном объеме [4], так и поэтапно: сначала мировые суды [5], потом общие [6]; законы об упразднении «старых» судов при введении на территории Уставов 1864 г. [7].

Ключевые положения об особенностях судостроительства, гражданского и уголовного судопроизводства, установленные при введении Судебных уставов на некоторых территориях империи, были систематизированы и внесены в Свод законов Российской империи. (Изд. 1914 г.). Т. XVI. Часть 1. (Судебные уставы) [8]. В УСУ, УГС и УУС включались разделы об особенностях соответственно судостроительства, гражданского и уголовного судопроизводства на Северном Кавказе, в Закавказье,

Черноморской губернии, губерниях Варшавского судебного округа и Холмской губернии, в Прибалтийских губерниях, в ряде уездов Вологодской губернии, в Архангельской губернии, в губерниях и областях Сибири, в областях Туркестанского края и Степных областях.

Процесс проведения судебной реформы в обширной империи, в состав которой входили территории с существенными особенностями экономики и культуры, в том числе правовой, быта и общественной жизни, стране с недостаточно развитым юридическим образованием и вытекающими отсюда кадровыми проблемами, слабой транспортной инфраструктурой и связью не мог быть одномоментным. Но в том, что он растянулся на несколько десятков лет, проявились и иные, в том числе политические, причины. Неспешный процесс реализации судебной реформы совпал с тотальным наступлением на ее основы с середины-конца 70-х годов XIX в.; это привело к тому, что на большей части территории Российской империи население так и не получило суда и процесса, которые были предусмотрены «первозданными» Судебными уставами, а, по выражению одного из либеральных юристов, «увидело некоторый их суррогат» [9, с. 66].